
Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна

© 2021 г. А.П. Давыдов

*Институт социологии – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, кор. 5.*

E-mail: apdavydov@gmail.com

Поступила 19.01.2020

Данная статья посвящена анализу методологической «середины» в ракурсе исследований В.А. Лекторского, М.М. Бахтина, А.С. Ахиезера, Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. Почему они? Потому что в своей взаимодополняемости они существенно приблизились к ответу на основной вопрос исследователей «середины»: как в русской культуре возможен социальный механизм, который содержит в себе потенциал преодоления раскола между исторически сложившейся русской культурой (вечевой, соборно-авторитарной, отторгающей личность, через себя формирующей тип российской власти) и обществом (в идеале гражданским, личностным, через себя формирующим общественные потребности)? Научная дискуссия на эту тему сегодня возможна через теорию неклассической эпистемологии Лекторского и ее социальные конкретизации – принцип «я для другого с точки зрения другого», «другой для меня с моей точки зрения» М.М. Бахтина, поиск третьего смысла (медиация) Ахиезера как альтернатива манихейскому мышлению и концепция экономической социодинамики (КЭС) Гринберга/Рубинштейна. Впервые вводится понятие «середина-для» – представление о субъектности «сферы между» культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через развитие себя как основания этого развития.

Ключевые слова: середина, середина-для, сфера между, медиация, неклассическая эпистемология, индивидуум, личность, я, государство, частная инициатива, Бахтин, Лекторский, Ахиезер, Гринберг, Рубинштейн, концепция экономической социодинамики (КЭС).

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-191-202

Цитирование: *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. № 4. 2021. С. 191–202.

Methodological “Mid-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-classics, A. Akhiezer’s Mediation and R. Greenberg’s / A. Rubinstein’s Complementarity Principle

© 2021 Alexey P. Davydov

Institute of Sociology – Federal Scientific Research Sociological Center of Russian Academy of Science, 24/35, b. 5, Krzhizhanovskiy str., Moscow, 117218, Russian Federation.

E-mail: apdavydov@gmail.com

Received 01.19.2020

This article is devoted to the analysis of the methodological “middle” from the perspective of research by V.A. Lektorsky, M.M. Bakhtin, A.S. Akhiezer and R.S. Grinberg / A.J. Rubinstein. Why they? Because in their complementarity, they significantly approached the answer to the main question of the researchers of the “middle”: how is possible a social mechanism in Russian culture, which contains the potential to overcome the split between the historically formed Russian culture (veche, authoritarian sobornost, rejecting personality, through itself forming a type of Russian power) and society (ideally civil, personal, through itself shaping social needs)? A scientific discussion on this topic today is possible through the Lektorsky’s theory of non-classical epistemology and its social specification – the M.M. Bakhtin’s principle “I am for the other from the point of view of the other”, “the other for me from my point of view”, the search for the third meaning (mediation) by Akhiezer as an alternative to Manichaeism thinking and the Greenberg’s / Rubinstein’s concept of economic sociodynamics (CES). The concept of “mid-for” is used for the first time – the idea of the subjectivity of the “sphere between” culture and society, aimed at developing both poles through developing oneself as the basis for this development.

Keywords: middle, mid-for, sphere between, mediation, non-classical epistemology, individual, personality, I, state, private initiative, Bakhtin, Lektorsky, Akhiezer, Greenberg, Rubinstein, the concept of economic sociodynamics.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-191-202

Citation: Davydov, Alexey P. ‘Methodological “Mid-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-classics, A. Akhiezer’s Mediation and R. Greenberg’s / A. Rubinstein’s Complementarity Principle’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 191–202.

Введение в смысл «середины». Основные понятия

Российское общество расколото – это главная тайна России. Но чтобы эту тайну раскрыть, то есть объяснить так, чтобы ее поняли и приняли элиты и массы, надо ответить на непростой вопрос: раскол между чем и чем? Надо перевести масштаб измерения с общества на весь социум и сказать: в социуме действуют две силы – культура (хранитель исторически сложившихся ценностей) и общество (генератор текущих интересов). Слабая способность субъекта разрешить конфликт между ценностями (культурой) и интересами (обществом) составляет суть социокультурного противоречия и угрозы социокультурного раскола общества. Снять это противоречие и преодолеть эту угрозу можно только через смысл «середины», «медиацию» (mediana – лат. середина; mediation – англ. поиск середины, медиация), через глубокую либерально-демократическую реформу институтов. Объясняю подробно через смысл использованных в статье понятий.

Культура – это надприродное искусственное образование, результат и основное средство выхода человека из природы. Каждое мгновение человек, анализируя и синтезируя, порождает смыслы, воспроизводя старые либо образуя новые, и измеряет их полезностью в деле своего выживания. И наиболее полезные отправляет в свою историческую память, в обычай, в мораль, в «народную правду», в ментальность, опредмечивая, «окультуривая» их, превращая в культурное богатство. Эти смыслы-ценности со временем устаревают, но никуда из культуры не уходят, превращаясь в культурные стереотипы. Эти стереотипы, бывает, доминируют в обществе, через «золотой» опыт прошлого оправдывая новые решения, – и тогда мы говорим о консервативном, традиционном характере политики либо даже о волне архаизации. Но часто культурные стереотипы уступают лидирующие позиции смыслам-текущим интересам, и тогда мы говорим о прагматике, об инновациях, о модернизации и поиске нового равновесия, о рисках реформ и т.д.

Общество – это часть культуры, но часть специфическая. Общество в идеале – это экспериментальная площадка, на которой человек испытывает новые нормы, отбраковывает не прошедшие испытаний и отбирает наилучшие, проверяет старые нормы в новых условиях. Именно в обществе человек изменяется, самоорганизуется, формирует новую социальность, модернизирует и общество, и культуру, чтобы адекватно отвечать на новые вызовы жизни, не записанные в культурном ядре, в культурном коде. Общество живет на краю культуры, на ее границах, в «сфере между» бытием и ничто. Оно постоянно нацелено на переосмысление того, что культура свято охраняет. Иногда общество заявляет о своем разрыве с культурой, о выходе из культуры и поиске адекватной меры выхода, еретически распредмечивает то, что культура сакрализует и охраняет как культурное богатство, через свою динамику бросая вызовы стереотипам культуры, статике ее ядра. Перемены в обществе являются основной причиной кризисов культуры.

Социокультурный раскол. Человек двойственен. Он одновременно является и субъектом культуры, и субъектом общества. С позиции ценности культуры он должен охранять свое культурное богатство, чтобы обеспечивать исторически сложившийся минимально допустимый уровень полезности своей деятельности. Но с позиции ценности общества он должен критиковать стереотипы культуры, которые мешают ему осуществлять свои интересы в изменяющихся условиях, блокируют его усилия, направленные на повышение уровня полезности своей деятельности. Он постоянно находится в противоречивой, сложной, опасной «середине», «сфере между» апологетикой и критикой культуры/общества, старого и нового, статике и динамики, реформы и антиреформы, нацелен на поиск новой меры критики/апологетики. Неспособность субъекта найти оптимальную меру взаимоотталкивания/взаимопроникновения смыслов культуры и общества, неспособность снятия социокультурного противоречия грозит возникновением в обществе социокультурного раскола, хроническим застоём в развитии общества, гибелью и культуры, и общества.

Середина – это сфера спора между обычаем/привычкой мыслить стереотипами и потребностью субъекта в новом уровне свободы через способность мыслить инновационно. «Середина-для» – представление о субъектности «сферы между» культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через развитие себя как основания этого развития. Эта метафора родилась в моем анализе под влиянием методологии В. Лекторского, анализировавшего концепты «Я-для-другого» и «Другой-для-меня» М. Бахтина.

Государство и индивидуум – это фокус отношений между соборно-авторитарной традицией культуры и социальной инновацией индивидуума, между статикой культуры и динамикой общества. Этот фокус несет в себе всю специфику этих отношений: слабость общественной значимости индивидуума (личности) и гипертрофированная значимость чиновника (начальства) при одновременной слабости институтов. Государство в России как основная форма культуры во все времена было полицейским, осуществляющим надзор, а личность – всегда подавляема государством. Отсюда поиск

государственно-частного партнерства как альтернативных (союзнических) отношений между индивидуумом и государством на основании равноправия и взаимной выгоды как фокус «середины-для-обоих». Бахтин-лекторская идея «для» в принципе «государство-для-человека» и «человек-для-государства» на материале частно-государственного партнерства призвана нести на себе основной груз демократической реформы, чтобы снять в стране угрозу раскола между русской культурой, отторгающей личность, и обществом, в идеале гражданским, личностным, выражающим общественные потребности.

Введение в методологию «середины-для»

В основе предлагаемого в статье представления о «середине» лежит понимание, что культура дуальна (жизнь-смерть, день-ночь, мужчина-женщина, друг-враг и т.д.), что наше сознание и познание как часть культуры в своих основаниях тоже дуально (формирование и снятие противоречия между старым и новым, добром и злом, своим и чужим, статикой и динамикой и т.д.) и что человек как субъект культуры, подчиняясь исторической инерции дуалистического мышления, мыслит по формуле «либо-либо», а сталкиваясь с новыми вызовами жизни, ответы на которые не записаны в дуализме культуры, ищет ответы на новые вопросы в межполюсном смысловом пространстве, в условной социокультурной «середине». Но «середины» принадлежит культуре. Она всегда в «сфере между» предметами-посредниками (термин В. Лекторского), она всегда – коммуникация, акт объективации, фактор отношений в системах «субъект-объект», «субъект-субъект», она стихийно и по определению всегда «для».

Предлагаемая концепция изучения «середины» межпредметна – начинается в теории познания, продолжается в социальной философии, экономике, этике, социологии. Она содержит вопросы: что находится в «середине»? как конструируется методологическая «середины»? какова миссия методологической «середины»?

Теоретический концепт «середины», «серединности», «поиска середины», «медиации» (*mediana* – лат. середина; *mediation* – англ. поиск середины, медиация), «серединности», через который человек описывал мир и анализировал свою логику принятия решений, родился в древнееврейской культуре в 2000/1900 гг. до н.э. – VII–V вв. до н.э. – I в.) и конфуцианской культуре Китая (VI–V вв. до н.э.), из века в век наращивая свою социальную значимость и завоевывая страны и континенты.

В западной науке о человеке концепт «середины» сформировался как теоретический инструмент изучения становящейся «серединной культуры». Он возник в древнегреческой этике и политике (Аристотель), в науке логики Гегеля и во французской антропологии XIX–XX вв. (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс). В конфуцианстве представление о «середине» постепенно заняло в народной и затем национальной морали ведущее место. Сегодня руководство КНР, проводя политику «социализма с китайской спецификой», во многом опирается на принцип «середины» в конфуцианской морали.

Элементы представления о «серединной культуре» как логике преодоления угрозы социокультурного раскола появились в российской философско-социологической мысли в начале XX в.: в борьбе против утопий, выраставших из крайностей как революционного, так и реакционного максимализма (Бердяев); в обозначении «середины» в культуре как результата поиска меры, противостоящей господству хаоса и крайностей (Вышеславцев); в поиске богочеловечности как результата процессов «очеловечения» и «обожения» (Булгаков); в оценке русского человека как несущего и святого, и звериного, но не развившего в себе человеческого, гуманистического, «среднего» (Аскольдов); устремленного к абсолютам и «мало проявляющего интереса к средней области земной культуры» (Лосский). Термин «середины» в работах этих авторов можно рассматривать как научную метафору, отражающую поиск альтернативы расколу в российском обществе и метанию между крайностями. Но переход к изучению поиска «середины» начался гораздо позже: в трудах профессиональных российских ученых конца XX – начала XXI в. См. обзор работ по этой теме в: [Давыдов 2009, 275].

Из современных исследователей межкультурное смысловое пространство изучает акад. В.А. Лекторский в своей концепции неклассической эпистемологии [Лекторский 2010, 47–52, 497–502; Лекторский 2009]. В теорию межкультурного диалога через понятие «диалогика» внес вклад В.С. Библер [Библер 2002]. Социокультурное содержание российской «сферы между» культурой и обществом, «середины» через понятие «медиация» исследовал А.С. Ахиезер [Ахиезер 2008]. Методологию «середины» в российской «срединной культуре» анализирует А.П. Давыдов [Давыдов, Розин 2017]. Экономическую социодинамику России через концепты «несводимости» и «комплементарности» в «сфере между» государством и рынком исследуют экономисты Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн [Гринберг 2019^a; Гринберг, Рубинштейн 2015].

«Середина» в социокультурном анализе А.С. Ахиезера

Ахиезер вбросил в научный оборот две идеи: 1) развитие социума происходит через критику мышления полярными абсолютами и поиск третьего, медиационного смысла в межполюсной «сфере между» как альтернативы диктату полюсов. Это, по существу, интерпретация неклассической идеи Лекторского о динамике социума через межкультурное смысловое пространство как о способе его развития. Но Ахиезер ввел в научный оборот и уточняющую идею: 2) развитие социума происходит в результате выхода субъекта за рамки культуры и поиска им меры выхода, и назвал этот процесс медиацией, потому что выход осуществляется через середину/третий смысл. Это уточнение можно принять при соответствующем объяснении идеи культуры, ее границ, ядра и т.д., потому что «выход из культуры» – это нонсенс, но выход за рамки стереотипов культуры – это методологически правильно.

Идеи Ахиезера о логике развития продуктивны, потому что позволяют анализировать медиационные процессы по существу в любом социуме мира, в культуре как таковой. И одновременно Ахиезер начал заполнять социокультурную нишу в становлении неклассического способа анализа российской реальности. Благодаря творческим усилиям Лекторского и Ахиезера в науке об обществе зарождается оригинальная методология социокультурного анализа социальной динамики России.

Однако в теории Ахиезера есть специфика. Александр Самойлович был уверен, что медиационный процесс по определению дает позитивный результат – рождается новый уровень свободы, личность, либерально-демократические формы социальности, в социуме формируется новая доминанта – переход от культурной статике к социальной динамике. Когда я впервые предложил ему рассматривать богочеловечность новозаветного Иисуса как результат гуманистической медиации, он был поражен, радовался как ребенок, считал это большим успехом нашего сотрудничества. Но дальше этой (по существу картезианской) типологии Ахиезер не пошел. *В альтернативе Ахиезера есть место только индивидуальным социальным отношениям и нет места традиционным коллективным формам (Богу, вере, эмоциям, общине, колее).* Ахиезер в этой точке своего теоретизирования не был абсолютно неправ, но все-таки, я полагаю, несколько поспешил принять личностную медиацию как новый абсолют. Отсюда, я думаю, его неудачи в разработке теории диалога, да и то, что он называл неудачами, имеет серьезное научное значение: он несколько раз приступал к работе над диалогом и каждый раз бросал, очень при этом расстраивался.

Срединная культура и культура манихейских соборно-авторитарных полюсов – это в концепции Ахиезера два мира, между ними стена, раскол, культура архаичных полюсов не может интегрироваться в Срединную культуру ни в каком качестве. Для преодоления раскола в обществе, ахиезеровская идея Срединной культуры использует «середину» как мощный гуманистический ресурс, не доступный полюсам. Тем не менее она не создает социального механизма, нацеленного на диалог, в его представлении о гуманистическом содержании «середины» еще не родилось ничего подобного бахтин-лекторской идее «для обоих».

Чтобы с социокультурной тематикой органически вписаться в методологию неклассической эпистемологии Лекторского, Ахиезеру надо было включить в межсубъектную смыслоформирующую «середины» не только инновацию, но и традицию. В письме мне 11 декабря 2019 г. В. Лекторский пишет: «Традиция не есть просто колея. Во-первых, традиции бывают разные. Во-вторых, без чего-то устойчивого (в этом смысле без “колеи”) обновление невозможно». Нужен отбор: что брать с собой из традиции в будущее, что не брать и как брать. И если карнегианская теория диалога не справляется с российской спецификой, значит, надо создавать новую теорию, свою, нужна концепция взаимопроникновения смыслов науки и не-науки, но не анти-науки, разума и экзистенции [Лекторский 1999, 46–62], несводимости и комплементарности (взаимодополняемости традиции и инновации) Р. Гринберга и А. Рубинштейна в каких-то новых, третьих синтетических смыслах.

«Середина-для» в «неклассике» В. Лекторского и третье Я

Разрабатывая неклассическое представление о человеке, В. Лекторский опирается на концепцию двуслойного сознания Я в интерпретации российского философа М. Бахтина и английского философа и психолога Р. Харре. Я, по Харре и Лекторскому, – «это концепция, можно даже сказать, определенная теория» [Лекторский 2009, 181].

Сознание Я у Харре и Лекторского двойственно. Эту двойственность можно объяснить двойственностью культуры. 1. Через сознание Я, зарождающееся в культуре, которое статично, консервативно, стабильно, так как исходит из ценности «культурного богатства» – из исторически сложившегося Мы. 2. Через сознание Я, зарождающееся в обществе как части культуры, которое нестабильно, изменчиво, нацелено на поиск инноваций, провоцирует изменения в социальном, риски, через перемены в социальном добивается и до глубин культурного. Это два различных состояния культуры и, следовательно, сознания и, следовательно, два различных Я. Вот длинная цитата из Лекторского, где он выстраивает социокультурную парадигматику неклассического представления о Я как продукте коммуникативных взаимодействий с другими людьми.

«Я отвечает не только за то, что человек сделал только что, но и за то, что он совершил в прошлом. Такого рода Я присуще всем культурам, так как без него никакая общественная жизнь невозможна. Но есть и другое Я, которое присуще индивиду, но не может быть локализовано в пространстве и времени. Это Я выражает наличие некоего «внутреннего мира», который является предметом рефлексивного отношения со стороны второго Я. «Внутренний мир» сознания не существует изначально (как считала философская классика), а конструируется в результате развития внешних коммуникаций человека с другими людьми (здесь Харре использует ряд идей Выготского). Вместе с тем такого рода образование присуще не каждой культуре, а во многом специфично для западной культуры последних столетий. Я, являющееся центром рефлексии над «внутренним миром» сознания (такое Я, по мнению Харре, отсутствует в ряде незападных культур), можно считать своеобразным трансцендентальным Я, так как оно не дано в эмпирическом опыте, а служит для формального увязывания данных сознания. Однако оно вовсе не выражает изначальной природы сознания, как думали философские трансценденталисты, и тем более не является вещью в себе, как считал Кант. Это – просто социальная конструкция, присущая культуре определенного типа» [Там же, 182].

Глубокий анализ. Для меня он важен тем, что в нем есть представление о двух Я, которые я называю «Я культурное»-субъект культуры, цель которого следовать исторически сложившимся ценностям в соответствии с инерцией исторического воспитания, обычаем, и «Я социальное»-субъект общества, цель которого удовлетворить текущие интересы, часто вопреки сложившейся культурной норме.

Последняя оценка, данная Лекторским анализу смысла Я сознания в концепции Харре (повторюсь): «Это – просто социальная конструкция, присущая культуре определенного типа», чрезвычайно важна. Она фиксирует не просто методологическую

двойственность Я. Она образует определенную иерархичность в системе «Я – не Я», выраженную мной в терминах «культурное – социальное». Потому что из двойственности Я сознания как точки взаимооталкивания/взаимопроникновения культурного и социального вытекает важное следствие – по необходимости должно существовать какое-то третье, социокультурное Я, независимое, «межсубъектное» (В. Лекторский), «внеаходимое» (термин М. Бахтина), «несводимое» (термин Р. Гринберга) только к социальному или только к культурному, медиационное (термин А. Ахиезера). Это третье, синтетическое социокультурное через свою автономность способно снимать противоречие между своим и чужим, старым и новым, статикой и динамикой, культурой и обществом, государством и индивидуумом. Без медиационного Я методологическая двойственность Я бессмысленна. И такое третье Я как тип существует. О нем пишет М. Бахтин. У Бахтина противоположности преодолеваются через медиационный механизм *«Я-для-Другого с точки зрения Другого»* [Бахтин 2000, 50, 229].

Вот как В. Лекторский оценивает неклассический гуманистический потенциал медиационной методологии Бахтина: «[Бахтин] подчеркивает отличие самовосприятия (Я для себя) от восприятия индивида другим (Я для другого). Вместе с тем полноценным Я может стать, лишь отнесясь к себе с точки зрения другого человека. Ведь другой видит в данном индивиде то, что последний в принципе не может увидеть: его лицо, тело в его целостности и в его отношении к окружающим его предметам и людям. Другой своим “избытком видения” восполняет данного индивида для него самого (возникает эффект комплементарности, критической взаимодополняемости взглядов – термин Гринберга. – А.Д.). Усваивая точку зрения другого, человек не «искажает» свое сознание (как считает Сартр), а, наоборот, получает возможность для его развития. Я нуждается в другом человеке для самоощущения. Все виды жизни сознания, включая переживания, мысли, образ самого себя предполагает отношение к себе как бы извне, то есть с точки зрения другого» [Лекторский 2009, 182].

Возникает, однако, вопрос и к Бахтину, и к Лекторскому, и к Харре, и к Гринбергу: где находится та точка роста, через которую происходит восполнение, взаимопроникновение, комплементарность, зарождение и развитие медиационного процесса, третьих «внеаходимых» и «несводимых» смыслов, альтернативных исходным? Ответ: в межсубъектном смысловом пространстве (Лекторский), в межполюсной «сфере между» (Ахиезер), в условной «середине» (термин Гегеля). Что такое это межсубъектное «между»? Что такое «середина»?

В Я бахтин-лекторского типа главный носитель человеческого -- не Я и не Другой, а межсубъектная «середина-для», «сфера между» Я и Другим. А это уже иная цивилизация, это уже вертикальный прорыв в другую стадию развития культуры и общества. Почему?

У меня складывается впечатление, что Лекторский стоит на пороге создания принципиально новой онтологии человека – Я/Мы онтологии, где три участника – Я, Ты, Мы и между ними через механизмы «я-для другого» и «другой-для-меня» рождается «середина-для». Эта онтология начинается с заявления автора: «Неклассическое понимание Я, разрабатываемое в философии XX века, отказывается от того понимания Я, которое сформулировал Декарт» [Там же, 176]. А что взамен? А взамен признание факта существования человека через признание факта существования Я/Ты/Мы-культуры. В письме мне 11 декабря 2019 г. Владислав Александрович пишет: «Моя позиция принципиально иная. Отношение человека к природе, к другим людям и к самому себе опосредовано культурой, т.е. предметами – посредниками. То, что мы считаем природой, опосредовано культурой. В отношениях субъект-объект и субъект-субъект оба полюса изменчивы и историчны. В рамках такого понимания можно объяснить возникновение сознания, личности, «Я» и свободы воли. Такой подход задает новый способ исследования феномена человека и принципиально новое понимание современных когнитивных исследований».

Вот моя интерпретация альтернативной онтологии Лекторского. Место свободы Я занимает свобода как равноправие Я/Мы-связей в культуре – в смысловом пространстве,

которое через предметы осуществляет функцию *посредника* между субъектами коммуникации и развития. Эта межсубъектная «Я/Мы-середина как середина-для-Я и для-Мы» несет в себе специфическую третью субъектность – она «постоянно меняется, развивается и тем самым определяет изменение как субъекта, так и объекта», -- пишет В. Лекторский в письме мне 12 марта 2019 г. Отказ от абсолютизации декартовского атомарного представления о смысле «Я» сопровождается переходом к новой доминанте – бахтин-лекторской – «принципу свободного, равноправного диалогичного партнерства Я и Другого в совместном развитии («я для себя», «я для другого», «другой для меня», «другой для себя» в представлении М. Бахтина о целерациональности и структуре самости Я и другости Другого в системе «Я – Другой») как основания укорененности человека в бытии и межчеловеческих связях» [Лекторский 2009, 17]. «Это – взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которой оба они изменяются» (курсив мой. – А.Д.) [Там же, 46–47]. Не атомарность «я мыслю, значит, я существую» как абсолют, а нарастающая потребность/способность «Я» *ответить на зов «Другого»* – этот усиливающийся поиск новой меры взаимоотношживания/взаимопроникновения смыслов Я и Мы в ддящемся акте совместной Я-Ты-Мы деятельности, формирует возможность свободного межсубъектного Я/Мы диалога, взаимопонимания, сотрудничества, единства как третьего основания возможности совместного выживания. Этот поиск новой меры взаимоотношживания/взаимопроникновения Я и Мы как нового основания из фактичности единичного формирует не Я-доминанту и не Ты-доминанту, а возможность Я/Мы-равноправного и взаимовыгодного единства в межсубъектном смысловом пространстве, в условной середине как особенное. Это особенное в процессе становления поначалу бессубъектно создает третью, бессубъектную субъектность – тернарное мышление, новое государственно-рыночное равновесие, новую индивидуально-коллективную динамику и новое социокультурное Я/Мы-развитие как свою претензию на то, чтобы стать новым всеобщим, всеобщим особенного (В.С. Библер). И много позже через конкуренцию, проходя через кризисы, циклы и политическое взросление, Я/Мы-середина как «середина-для» бессубъектно создает нового, третьего субъекта развития, субъекта себя в себе для себя – социокультурного субъекта Я/Мы-середины, Срединную, то есть личностную Я/Мы-культуру.

Новое мышление, отказываясь от партийно-классового подхода к науке об обществе, сопровождается поистине революционными переменами – Лекторский беспощадно ведет расчистку идейных завалов. Он, как один из основоположников современной эпистемологии в России, отказывается от многих установок философской классики – от гиперкритицизма, фундаментализма и нормативизма, субъектоцентризма и наукоцентризма. Классическая способность Я видеть в другом такого же, как Я, только неправильного, из эпистемологии Лекторского уходит. В центр своего внимания он ставит открытость, доверие, «внутреннее» состояние сознания, ментальные презентации, смысл Я, логику диалога, смысл «середины-для-обоих» в системе «Я – Другой», динамику меры, холизм, скользящую границу между смыслами и др.

«Середина-для» Р. Гринберга / А.Я. Рубинштейна: принципы «несводимости» и «комплементарности»

Методология КЭС привлекла мое внимание тем, что имманентно несет в себе принцип «для» и через него конкретизирует тип субъектности в межсубъектном смысловом пространстве в неклассической эпистемологии Лекторского. Каким образом? КЭС не только расчленяет социальное на индивидуальное и коллективное, частное и государственное, но и находит смыслы, которые могут объединять противоположности в некое единство – «общественные потребности» и «социальная полезность».

КЭС анализирует социодинамику как нацеленную на осуществление синтетического принципа «для» в институциональной среде: государственный чиновник функ-

ционирует в государственных институтах и имеет дело только с законами, устанавливаемыми государством, а предприниматель действует только на рынке и руководствуется только законами рынка. В результате такого разделения труда в КЭС имеет место параллельная деятельность двух субъектов друг для друга (государство и бизнес) на различных основаниях, природа которых теоретически несводима. И из несводимости природ возникает общая для обоих субъектов потребность иметь какой-то механизм, стимулирующий объединение усилий субъектов в достижении единой цели. Этот стимулирующий механизм, выстраиваясь на третьем основании (принцип «для») и имея амбивалентную природу, ведет, не может не вести обоих к синтезу. Каким образом?

Амбивалентность частного и государственного, подчиняясь требованию комплементарности-для, заключается в том, что государственное становится участником рынка через свою нерыночную субъектность, то есть реализует свою миссию политическими и бюрократическими средствами. А частное становится участником решения общегосударственных задач, осуществления национальных интересов (косвенно – государственного управления), через свою коммерческую деятельность, то есть реализует свою миссию чисто рыночными средствами. «Государственная активность и частная инициатива взаимодополняемы, а не взаимозаменяемы!», – пишет Р. Гринберг [Гринберг 2008, 23].

Из этой общей закономерности рождается правило Гринберга – Рубинштейна в духе Дж. Локка, Ш. Монтескье и «конституционной теории» Ф. Хайека: «Один представительный орган (например, парламент. – А.Д.) устанавливает правила игры, другой (например, правительство. – А.Д.) вырабатывает приоритеты и иерархию социальных установок. Главное, исполнительный орган должен вести себя исключительно как некоммерческая организация, миссия которой – реализация общественных интересов. И в этом смысле государственные структуры являются субъектами рынка. Что же касается установления правил игры, то это прерогатива законодательной власти, которая в принципе не может быть субъектом рынка» [Гринберг 2019^а, 35].

У российского читателя, искушенного в идеологических битвах с принципом партийного руководства экономикой в недавнем советском прошлом, сразу возникает вопрос: сегодня в 9 случаях из 10 «исполнительная власть узурпирует функции законодателя» и в этом качестве легально и нелегально выходит на рынок – в результате госчиновник ведет себя на рынке как хозяин. Как быть? Авторы КЭС так отвечают на этот вопрос: «Собственно, сам тезис об ошибочности включения государства в число субъектов рынка возникает лишь в том случае, если привычное “советское мышление” превращает принцип разделения властей, присущий любому демократическому обществу, в пустую абстракцию. В нашей же теоретической конструкции разделение властей – работающая категория: рыночный игрок (исполнительная власть) не может устанавливать правила игры, а устанавливающие правила игры (законодатель) не могут принимать в ней участие» [Там же].

КЭС Гринберга/Рубинштейна – это глубокая бахтин-лекторская демократическая реформа. Вот первый шаг этой реформы: замена классического постулата о методологическом приоритете Я-индивидуализма на принцип комплементарности полезностей в системе «Я-для-другого с точки зрения другого», с точки зрения «середины-для», что в интерпретации КЭС звучит следующим образом: **«Я для государства с точки зрения государства»**.

Но одновременно и параллельно происходит второй шаг реформы: замена классического постулата о методологическом приоритете принципа «все, что хорошо для общества, хорошо и для индивидуума» на принцип комплементарности полезностей в системе «Другой-для-меня с моей точки зрения», то есть с точки зрения «середины-для», что в интерпретации КЭС звучит следующим образом: **«Государство-для-меня с моей точки зрения»**.

Эта реформа, пишут Гринберг и Рубинштейн, «не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный и, главное, наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие отдельные индивидуумы – пассионарии,

раньше других обнаруживающие “болевы́е точки” социума; средства массовой информации, общественные движения и партии, служащие “институциональным лифтом” – для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных уровней, которые в конечном счете формулируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям» [Гринберг, Рубинштейн 2015, 20].

Теперь вопрос: как обобщить эту онтологическую способность Я/Мы «ответить на зов другого» через механизм «для»? В силу того, что «середина-для» несет в себе межсубъектную установку «для», она необходимо обладает саморефлексией-*cogito* и поэтому (по Декарту) осознает свое «существование-для» – *ergo sum*.

А теперь мы должны уйти из теории познания, перейти в социальную философию и социэкономику и сказать, что, коль скоро ценностный вектор «середина-для» формируется *коллективно*, то есть усилиями Я, Ты и Мы, в ней работает принцип диалогичности/комплементарности, о котором пишет Гринберг. Если это не так, то без диалога и взаимодополняемости ценностную установку «для» реализовать невозможно. А если это так, а это, прав Гринберг, действительно так, то мы вправе поставить вопрос об автономности «для». Почему? Потому что «для» в силу своих межсубъектности и амбивалентности и одновременно своих онтологичности и холистичности несет в себе ахизеровскую медиацию. Это значит, что существуют центостремительные холистичные медиационные механизмы, которые скрепляют Я, Ты и Мы в некое единство. Какие это скрепы? Это разделение властей, разделение синкрезиса «власть-собственность», демократия, гражданское общество и социальная экономика. А также циклически нарастающая потребность участия национальных экономик в процессах экономической глобализации, понимаемых как следствие эволюции государственно оформленных рыночных систем.

Заключение. Поиск методологической «середины-для» как способ гуманизации общества

В нашей прессе практически прекратилось обсуждение темы гуманизма. Разговоры о гуманизме, говорят критики этой темы, являются результатом полного непонимания того, что происходит в стране. Чудовищное социальное неравенство, обнищание населения, сокращение численности населения, детская беспризорность; возросшая агрессивность, преступность, мегакоррупция, насилие, рост национализма, эгоизма, тлеющие военные конфликты в ряде территорий.

Нужны не прекраснодушные разговоры «о человеке вообще» и гуманизме, провозглашают критики этой темы, а ужесточение наказаний, твердая рука диктатора сталинского типа. Надо разделить людей на «мы» и «они» – на тех, кто поддерживает проводимый курс на выживание России в трудных экономических условиях и вражеского окружения, и тех, кто своими поисками некой альтернативы подрывает мощь и единство страны, пятую колонну. Надо четко видеть «народ» и «врагов народа» – первые воплощают шаги прогресса, вторые – историческое зло.

Я против такой критики. Проведенный в данной статье анализ работ Бахтина, Лекторского, Ахизера, Гринберга, Рубинштейна показывает, что борьба за гуманистическую альтернативу в элитарном сознании России продолжается. Эти авторы, каждый по-своему, формируют принцип демократического устройства общества. Каким образом?

В гуманистической системе В. Лекторского субъектом развития являются оба актора в рамках отношений субъект-объект, субъект-субъект. Благодаря развитию межсубъектной бахтин-лекторской «середины-для» акторы изменяются «оба» и «вместе». Эта социал-демократическая совместность рождается в результате признания равноправия и диалога основными инструментами регулирования социальных отношений.

Mainstream гуманистического развития, по А. Ахизеру, лежит через отказ от мышления манихейскими архаичными соборно-авторитарными абсолютами и через развитие третьего, личностного смысла (третьих смыслов) как либеральной альтернативы.

Р.С. Гринберг пишет: «Вновь и вновь, прямо-таки как ритуальное заклинание, в общество вбрасывается поросший мхом тезис о “губительности” государственного вмешательства и безоговорочной благотворности “свободного рынка”. Может быть, уже пора перестать смотреть на реальный, а не выдуманный мир через призму манихейского противопоставления “добра и зла”? Разве ныне не бессмысленны альтернативы типа: все приватизировать или все национализировать; распланировать или все предоставить рыночной стихии, все зарегулировать или подвергнуть дерегулированию; все обложить налогом или ничего не облагать; свобода или безопасность; эффективность или справедливость? И потом, почему нам надо быть больше католиками, чем сам Папа?» [Гринберг 2019⁶, 6].

Гринберг и Рубинштейн выделяют государственно-частную «середину-для» (партнерство) как социал-демократическую альтернативу манихейскому мышлению в экономической политике. Они выдвигают требования: 1) борьбы государства и общества против монопольного (антиконкурентного) поведения крупных корпораций; 2) равноправного участия государства и частного бизнеса в государственно-частном партнерстве; 3) реабилитации реального сектора экономики, прекращения ситуации, когда финансовый сектор вместо слуги экономики стал ее хозяином; и 4) развития «защиты национальных экономических интересов, систематической поддержки инновационной экономики и долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества» [Гринберг 2019⁹, 141–143].

Неклассическая эпистемология В.А. Лекторского и «поиск середины-для» в Я/Мы методологии Бахтина, Лекторского, Ахиезера, Гринберга, Рубинштейна становятся важным гуманистическим ресурсом для осмысления путей развития человеческого капитала и демократического общества в России.

Источники – Primary Sources and Translation

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф. Третье изд., 2008 (Akhiezer, A. *Russia: Criticism of Historical Experience*, in Russian).

Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000 (Bakhtin, Mikhail M., *Author and Hero. To the Philosophical Foundations of the Humanities*, in Russian).

Библер 2002 – *Библер В.* Замыслы: В 2 кн. Кн. 1. М.: РГГУ, 2002 (Bibler, Vladimir S., *Designs*, in Russian).

Гринберг 2019⁹ – *Гринберг Р.С.* В поисках равновесия. М.: Магистр, 2019 (Greenberg, Ruslan S., *In Search of Balance*, in Russian).

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2009 (Lectorsky, Vladislav A., *Epistemology Classical and Non-classical*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Гринберг 2019⁶ – *Гринберг Р.С.* Слово к читателю. Либерализм в кризисе на Западе и дискредитирован в России. Будем наслаждаться новым феодализмом? // Мир перемен. 2019. № 3. С. 5–7.

Гринберг 2008 – *Гринберг Р.С.* Среди рисков и шансов. М.: ИЭ РАН, 2008.

Гринберг, Рубинштейн 2015 – *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2015.

Давыдов 2009 – *Давыдов А.П.* Поиск «середины» как методологическое основание социологического теоретизирования (угроза раскола в России между культурой и обществом и проблема ее предотвращения) // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера / Сост. А.П. Давыдов. М.: Новый хронограф, 2009. С. 261–296.

Давыдов 2019 – *Давыдов А.П.* «Неклассика» В.А. Лекторского и «медиация» А.С. Ахиезера в науке об обществе // Теория медиации Александра Ахиезера. Воспоминания. Библиография. К 90-летию со дня рождения ученого / Сост. и отв. ред. А.П. Давыдов. М.: Новый хронограф, 2019. С. 58–82.

Давыдов, Розин 2017 – *Давыдов А.П., Розин В.М.* Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М.: URSS, 2017.

Лекторский 1999 – *Лекторский В.А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция. СПб.: РХГИ, 1999. С. 46–62.

References

Greenberg, Ruslan S. (2019) “A Word to the Reader. Liberalism is in Crisis in the West and is Discredited in Russia. Will we Enjoy the New Feudalism?”, *World of Change*, Vol. 3, pp. 5–7 (in Russian).

Greenberg, Ruslan S. (2008) *Among the Risks and Chances*, IE RAS, Moscow (in Russian).

Greenberg, Ruslan S., Rubinstein Alexander Ya. (2015) *Individual and State. The Economic Dilemma*, Ves Mir, Moscow (in Russian).

Davydov, Alexey P. (2009) ‘Search for the “Middle” as the Methodological Basis of Sociological Theorizing (the Threat of a Split in Russia between Culture and Society and the Problem of its Prevention)’, Davydov, Alexey P., ed., *Search of the Theory of Russian Civilization. In memory of A.S. Akhiezer*, Novy chronograph, Moscow, pp. 261–296 (in Russian).

Davydov, Alexey P. (2019) “Non-classics” by V.A. Lektorsky and “Mediation” by A.S. Akhiezer in the Science of Society’, Davydov, Alexey P., ed., *Theory of Mediation by Alexander Akhiezer. Memories. Bibliography. To the 90th Anniversary of the Scientist*, Novy chronograph, Moscow, pp. 58–82 (in Russian).

Davydov, Alexey P., Rozin, Vadim M. (2017) *Dispute about Mediation. The Split in Russia and Mediation as a Strategy to Overcome It*, URSS, Moscow (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (1999) “Scientific and Extra-Scientific Thinking: a Moving Border”, *Reason and Existence*, RCHI, Saint Petersburg, pp. 46–62 (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2010) ‘Theory of Knowledge; “I AM”’, *New Philosophical Encyclopedia in Four Volumes*, Vol. 4, Mysl, Moscow, pp. 47–52; 497–502 (in Russian).

Сведения об авторе

ДАВЫДОВ Алексей Платонович –
доктор культурологии, главный научный
сотрудник Института социологии –
ФНИСЦ РАН.

Author’s Information

DAVYDOV Alexei P. –
DSc in Culturology, Principal Researcher
of the Institute of Sociology –
Federal Scientific Research Sociological Center
of RAS.